в расходных книгах каждому артисту полагался суконный комплект из сюртука, спенсера, двух пар штанов и жилета, другой комплект – в европейском стиле на более легкое время, а также 3 рубашки, 3 воротника, черный и белый платок, три пары обуви, шапка, шляпа и плащ [11, л. 4]. Отсутствие в капелле приглашенных музыкантов позволяло сокращать расходы на их содержание, но в то же время показывало на достаточный уровень профессиональной подготовки, при котором капелла могла исполнять музыку как польских композиторов, так и сочинителей европейского масштаба.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что при Д. И. Радзивилле капелла несколько утратила свою репрезентативную значимость, однако осталась важной составляющей несвижского двора. Оркестру отводилась функция музыкального сопровождения балов и приемов, исполнения концертов. В репертуаре были сочинения зарубежных авторов, наибольшее внимание уделялось творчеству композиторов Австрии, Германии и Чехии, а также других стран. Помимо сочинений признанных и популярных авторов, таких как К. В. Глюк, Ф. Й. Гайдн, В. А. Моцарт, в Несвиже звучали также новаторские на тот момент творения Л. ван Бетховена, А. Рейха и других музыкантов, которые только начинали приобретать известность на белорусских землях. В большинстве своем капелла исполняла симфонические произведения различного характера, а также фрагменты опер, танцы и турецкую музыку.

Среди нот встречаются сочинения польских авторов, в также композиторов, работавших при дворе Радзивиллов. В их творчестве проявились народные фольклорные мотивы, национальные и романтические тенденции. Большое значение имеет тот факт, что капельмейстер и все оркестранты были местного происхождения и обучались при капелле, постепенно переходя из разряда учеников в основной состав. Это, учитывая значительные требования, предъявляемые репертуаром, свидетельствует о высоком уровне исполнительского мастерства белорусских музыкантов и хорошо организованной системе их подготовки. Таким образом, даже несмотря на то, что при дворе Д. И. Радзивилла уже не было постоянной театральной труппы, музыкальная составляющая культурной жизни Несвижа в начале XIX в. оставалась и поддерживалась на европейском художественном и профессиональном уровне, сохраняя при этом национальное своеобразие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Dz. 7070/II.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 694. Оп. 1. Д. 75.
3. Archiwum Główne Akt Dawnych. AR. Dz. IV. Sygn. 262.
4. НИАБ. Ф. 694. Оп. 2. Д. 5166.
5. НИАБ. Ф. 694. Оп. 2. Д. 5183.
6. История белорусской музыки / под ред. Г. С. Глущенко. М., 1976.
7. *Цеханавецкі А. С.* Міхал Казімір Агінскі і яго «сядзіба музаў» у Слоніме / пер. з ням. У. Сакалоўскага. Мінск, 2006.
8. *Бэлза И. Ф.* История польской музыкальной культуры : в 3 т. М., 1957. Т. 2.
9. *Дадзіёмава В. У.* Нарысы гісторыі музычнай культуры Беларусі : вучэб. дапам. Мінск, 2001.
10. *Nowak-Romanowicz A.* Historia muzyki polskiej. T. IV. Klasycyzm. 1750–1830. Warszawa, 1995.
11. НИАБ. Ф. 694. Оп. 2. Д. 5170.
12. НИАБ. Ф. 694. Оп. 2. Д. 5172.
13. НИАБ. Ф. 694. Оп. 2. Д. 5184.

Поступила в редакцию 02.02.2015.

Ольга Сергеевна Клёцкина – аспирантка кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета БГУ. Научный руководитель – доктор искусствоведения, профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета БГУ Н. Ф. Высоцкая.

УДК 364-3(=411.16)(091)

Ю. В. ФУНК

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Посвящена исследованию широкого круга источников по истории еврейских благотворительных обществ на территории белорусских губерний в конце XIX – начале XX в. Рассмотрены духовные и экономические предпосылки этого явления. Определены основные виды источников, позволяющие исследовать все слои белорусского еврейства, его социально-экономическое положение и место в экономической жизни белорусских губерний. Проведена классификация еврейских благотворительных обществ на территории белорусских губерний в конце XIX – начале XX в. на основе исследованных источников по материалам белорусских архивов.

Ключевые слова: еврейское население; благотворительные общества; законодательные акты; архивные материалы; образование; уровень жизни; статистические исследования; статистические данные; братства; виды и формы еврейской благотворительности.

Devoted to the study of a wide range of sources on the history of Jewish charities in Belarusian provinces in the late XIX – early XX century is Considered spiritual and economic background of this phenomenon. Identified the main types of sources that allow to explore all the layers of Belarusian Jewry, their socio-economic status and place in the economic life of the Belarusian provinces. The classification of Jewish charities in Belarusian provinces in the late XIX – early XX century on the basis of the studied sources according to the materials of the Belarusian archives.

Key words: Jewish population; charitable society; laws and regulations; archival materials; education; living standards; statistical research; statistical data; brotherhood; types and forms of Jewish philanthropy.

Еврейская благотворительность и история развития еврейских благотворительных обществ Беларуси в XIX – начале XX в. являются малоисследованной темой. Ключом к пониманию этого феномена стали источники как духовные, так и материальные. Прежде всего необходимо отметить, что благотворительные общества были сферой, в которой так или иначе соприкасались все слои белорусского еврейства: богатые и бедные, служащие обществ и духовные лица. Это уникальное явление, позволяющее понять сущность бытия белорусского еврейского населения того периода времени.

В целом можно выделить три основных источника исследования еврейской благотворительности и еврейских благотворительных обществ.

1. Тора и Талмуд как священные книги, дающие религиозно-философское понимание исследуемого явления.

2. Законодательство Российской империи, которым регулировались организационные формы еврейской благотворительности, имевшие место на территории Беларуси в XIX – начале XX в.

3. Материалы архивов Беларуси на русском языке, связанные с деятельностью еврейских благотворительных обществ в XIX – начале XX в., и статистические материалы.

Подробный анализ этих источников и синтез отдельных их частей позволили выделить достаточно четкую классификацию еврейских благотворительных организаций и учреждений с учетом философско-религиозных начал и требований времени.

Раскрывая содержание еврейской благотворительности путем исследования Торы и Талмуда, отметим, что у евреев она имеет глубочайшие исторические корни. Согласно Торе благотворительность – это различного рода проявление сочувствия ближнему путем материальной и нравственной поддержки, выражающейся в следующих формах:

- гостеприимстве и прокормлении голодных;
- снабжении бедных одеждой и обувью;
- посещении больных и уходе за ними;
- погребении мертвых и присутствии на их похоронах;
- утешении скорбящих по усопшим;
- выкупе пленных;
- выдаче замуж бедных девиц.

Высшей ценностью благотворительного акта в Торе и Талмуде объявлялась не жалость преуспевшего человека к своему обделенному собрату, а осмысленное стремление помочь ему сохранить собственное достоинство и вернуть его к полноценной общественной жизни путем не просто подачи денег на пропитание с высоты своего благополучия, бросив монету нищему, а отношением к нему как к равному и достойному находиться рядом с подающим.

В еврейских общинах мало практиковалась открытая форма благотворительности, т. е. обычные раздачи денег и еды нищим, как это повсеместно принято. В них был более рациональный подход к решению подобных проблем: создавались закрытые благотворительные организации, которые, не придавая огласке обстоятельства жизни своих подопечных, делали добро, давая приют сиротам и старикам (хотя и тех и других они старались приобщить в меру их сил к труду, чтобы у них было ощущение собственной необходимости и значимости и не было стыда за жизнь за чужой счет). В данной ситуации вновь на первый план выступают забота о человеке как личности и стремление как можно дольше сохранить его для общества полноценным, что является высшей степенью гуманизма.

Рассматривая Тору и Талмуд как источники изучения еврейской благотворительности, подчеркнем, что в них четко определены ее приоритетные виды, которые возникли сообразно требованиям времени и затрагивали практически все стороны жизни человека. Еврейской благотворительностью предусмотрена помощь на все случаи жизни, начиная от приданого бедным девушкам и заканчивая достойными похоронами. Кроме того, благотворительность, судя по текстам Торы и Талмуда, должна быть непременной составляющей любой деятельности каждого еврея, причем желание помочь должно быть искренним и не требующим обязательной благодарности со стороны получателя. К такому пониманию благотворительности еврейское население пришло через долгий путь страдания, и все указанные в Торе и Талмуде виды благотворительности были историческим опытом народа, часть которого, став белорусской диаспорой, в рассматриваемый период времени во многом продолжала реализовывать заветы своих священных книг путем создания широкой сети благотворительных обществ.

Касаясь вопроса о законодательстве Российской империи как источнике изучения еврейской благотворительности, отметим, что одним из первых нормативных актов, регулирующих указанные отношения, стало Положение 1835 г. о приказах общественного призрения, в котором содержалось наставление еврейским братствам «иметь попечение о призрении престарелых, увечных и больных своих единоверцах» [1, с. 190]. Этим указанием на братства возлагалась функция социальной защиты обозначенных категорий населения. При этом вопросы финансирования оставались в ведении братств и представляли собой практически только благотворительные источники.

Следующим шагом к урегулированию деятельности еврейских благотворительных обществ стало упразднение кагалов в 1844 г. и принятие Положения о коробочном сборе, который вводился в целях «обеспечения общественных нужд и... на предмет общественного призрения и благотворительности» [2, с. 100].

В целом законодательство 1835 –1844 гг. предусматривало существование еврейских благотворительных заведений в виде погребальных обществ, богаделен и больниц при синагогах (которые получали средства из коробочного сбора) и благотворительных обществ.

В реальности же действовали благотворительные организации: братства с погребальной функцией, богадельни и больницы (частично финансировавшиеся из коробочного сбора) и новые общества (частная инициатива).

На протяжении последующих 1845–1880 гг. новации в законодательном регулировании еврейской благотворительности отсутствуют.

Пересмотр законодательства о евреях в 1881–1888 гг. не затронул вопроса о еврейской благотворительности в смысле принятия какого-нибудь полноценного акта законодательства. Однако все увеличивавшееся число частных благотворительных организаций заставило правительство Российской империи обратить внимание на эту проблему.

Первоначально была урегулирована деятельность ссудно-сберегательных товариществ и беспроцентных касс путем принятия в 1895 г. Министерством внутренних дел Положения об учреждениях мелкого кредита, которое впервые описало внутреннюю структуру ссудно-сберегательных касс, статус их участников, условия выдачи беспроцентных и низкопроцентных ссуд и т. д. [3, с. 18].

Самым значительным законодательным актом, на основании которого действовали все благотворительные общества, был указ императора Николая II от 4 марта 1906 г., утвердивший Временные правила об обществах и союзах. Это был первый в своем роде документ, столь полно определяющий статус данных объединений лиц и регламентирующий их внутреннюю структуру [4, с. 87]. Он давал евреям равную возможность с иными подданными Российской империи образовывать общества и союзы «без испрошения на то разрешения правительственной власти». (По сути, благотворительность была единственной сферой, где законодательство не требовало от евреев дополнительных гарантий их правоспособности.)

Однако в данном акте присутствовало положение о запрете на создание обществ и союзов, преследующих политические цели, которое весьма активно эксплуатировалось местными органами власти, когда возникала необходимость приостановить регистрацию того или иного еврейского благотворительного общества, ссылаясь на необходимость проверки соответствия предполагаемых действий общества с законодательством. Кроме того, данная норма позволяла оправдывать вмешательство местной администрации во внутренние дела обществ и даже провоцировать фальсификационные расследования на предмет выявления тайных еврейских политических организаций, маскирующихся под благотворительные общества.

Вопрос о порядке создания обществ и союзов, сам по себе не содержащий ничего дискриминационного в отношении прав евреев на создание обществ, на деле превращался в сложнейший бюрократический процесс, когда установленный Временными правилами об обществах и союзах двухнедельный срок для рассмотрения документов о регистрации обществ мог быть продлен не на один год по причине несоответствия отдельных пунктов устава (программы деятельности) еврейского общества требованиям законодательства.

Вследствие принятия указанных выше законодательных актов 1895 –1917 гг. самые плодотворные в смысле учредительства еврейских благотворительных обществ.

Третьим источником исследования еврейской благотворительности являются архивные материалы, хранящиеся в белорусских архивах, а также статистические материалы по вопросам организационных форм благотворительности. Все они изложены на русском языке, поскольку представляли собой документацию, подлежавшую официальной регистрации в соответствующих инстанциях.

Собранные документы по еврейским благотворительным обществам по их происхождению условно можно разделить на две категории.

1. Фонды еврейского происхождения, содержащие материалы самих благотворительных организаций (уставы, отчеты).

2. Фонды государственных органов и учреждений, связанных с деятельностью благотворительных обществ, в которых находятся материалы о процедурах открытия и закрытия обществ, жандармские источники о политической благонадежности учредителей, надзорная документация губернских властей, материалы ревизионных проверок и др.

Если рассматривать вторую категорию архивных источников по еврейской благотворительности, то в этом отношении необходимо отметить фонды Национального исторического архива Беларуси, в числе которых, например, фонд Витебского губернского правления, содержащий 63 260 ед. хр. Среди них дела о еврейских благотворительных учреждениях (документы о регистрации, в частности прошения о регистрации, отчеты данных обществ, статистические сведения о состоянии благотворительных обществ по губернии и уездам, в том числе дело о доставлении смет расходов еврейских благотворительных обществ, дело о еврейской больнице, дело о созыве погребального общества, его устав, дело о пожертвовании 2 тыс. руб. еврейской больнице и т. д.); дела, касающиеся еврейского образования и просветительной благотворительности (документы об открытии еврейских училищ, как государственных, так и частных, статистика о состоянии еврейского образования по губернии, количестве частных учителей и учебных заведений, учащихся в них, финансовом положении учебных заведений,

отчеты инспекторов о состоянии еврейских училищ, хедеров и талмуд-тор в том числе, дело об открытии еврейских школ для просвещенных еврейских детей, дело о еврейских частных училищах, дело об образовании еврейских женщин) и др.

Рассматривая статистические источники по формам еврейской благотворительности, можно выделить следующие категории в зависимости от их происхождения:

1) статистические данные официальных комитетов и комиссий по еврейским вопросам;

2) материалы Еврейского колонизационного общества (ЕКО);

3) данные местных органов власти и управления;

4) Памятные книжки ряда белорусских губерний.

К основным статистическим источникам можно отнести материалы ЕКО, которые дают, например, представление о количестве благотворительных обществ в пределах каждой белорусской губернии. В частности, ЕКО указывало, что в Витебской губернии в 1903 г. функционировали 3 общества пособия бедным евреям, 18 благотворительных учреждений общего характера, 13 ссудных касс, 2 странноприимных ночлежных дома, 3 дешевые столовые и 3 чайные, 4 общества снабжения бедных одеждой, 4 богадельни и 4 дома призрения, 2 больницы и 30 обществ вспомоществования больным [5, с. 22].

Среди иных видов статистических источников можно привести в качестве примера Памятные книжки белорусских губерний, в которых присутствуют ежегодно составляемые статистические данные о благотворительных обществах.

Причина объединения архивных и статистических материалов в совокупный источник изучения еврейской благотворительности заключается в том, что самостоятельный статистический анализ количества еврейских благотворительных обществ не несет серьезной смысловой нагрузки, так как не отражает в полной мере никаких иных параметров, кроме определенного числа обществ на определенную территориальную единицу. Однако, кроме количественных показателей, для классификации еврейских благотворительных обществ необходимы сведения о составе учредителей, целях и задачах обществ, их финансовом состоянии и т. д. Подобного рода информация присутствует именно в архивных материалах. Кроме того, статистические данные по еврейским благотворительным обществам не смогли включить все общества по разным причинам, например из-за отсутствия регистрационного документа на момент составления статистических материалов, а также должного внимания к разнообразию видов еврейских благотворительных организаций и т. п.

Исследованные группы источников позволяют увидеть механизм создания, функционирования, условия существования еврейских благотворительных организаций, классифицировать их в соответствии с целями и задачами, установить персонифицированный состав учредителей, а присоединив духовно-нравственный аспект, дают возможность понять сущность еврейской благотворительности.

На основе исследованных источников можно отметить, что в момент присоединения белорусских земель к Российской империи основным и единственным образованием, в руках которого была сконцентрирована вся еврейская благотворительность, являлись братства. Они представляли собой объединения взаимопомощи, содержащиеся всеми членами общины и выполнявшие разнообразные функции, начиная от погребения умерших и заканчивая обучением. Однако постепенно начинает складываться тенденция к ослаблению могущества братств. Этот процесс включал в себя несколько причинно-следственных связей, часть из которых имели место еще до вхождения белорусских территорий в состав Российской империи: внутренний конфликт верхушки совета братств с рядовыми общинниками на почве обязательных взносов на благотворительные цели, ослабление связи между общинами и рост независимости, самостоятельности и свободы духа у части еврейского общества. Это было автоматически перенесено и в новые условия существования.

Первоначально российское правительство не вмешивалось во внутреннюю жизнь еврейских общин присоединенных земель, так как отсутствовала единая законодательная база, оформлявшая отношения между государством и новой, достаточно замкнутой и самодостаточной общностью, которой являлось еврейское население. Поэтому братства в еврейских общинах продолжали оставаться практически единственными структурами в сфере благотворительности. Однако неизменность статуса не означала некоторых качественных изменений внутри самих братств. Происходила их медленная трансформация, которая имела характерные особенности в рамках каждого, последовательно присоединяемого после очередного раздела Речи Посполитой региона.

Еврейская общинная благотворительность в рамках братств постепенно перестала быть обязанностью каждого члена общины. Ее развитие происходило в трех направлениях:

1) возникновение учреждений социальной помощи, находящихся в ведении и на дотации государства. К этой категории относились больницы, сиротские дома и богадельни;

2) благотворительные общества, созданные по инициативе частных лиц и финансируемые только за их счет;

3) хозяйствующие субъекты – ссудно-сберегательные товарищества (ссудные кассы), которые наряду со своими непосредственными функциями активно формировали слой мелких предпринимателей в еврейской среде, влияя таким образом на жизненный уровень еврейского населения в целом.

Особенностью еврейских благотворительных организаций в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. стал их высокий численный показатель при крайне низком уровне дохода. Бедность еврейского населения белорусских губерний явилась причиной отсутствия крупных благотворительных обществ. Этот факт отразился и на составе учредителей. Среди еврейских благотворительных обществ белорусских губерний не было ни одного с индивидуальным учредителем. Инициаторами действовавших обществ в основном стали купцы, мещане и интеллигенция.

Характерной особенностью еврейской благотворительности белорусских губерний с началом Первой мировой войны являлось массовое возникновение обществ помощи раненым, семьям мобилизованных и погибших на войне, количество которых намного превосходило аналогичные в других регионах Российской империи.

В целом на основании исследованного широкого круга документальных источников можно выделить две основные организационные формы еврейской благотворительности: открытую и закрытую.

Открытая форма еврейской благотворительности представляла собой институт милостыни, обычную разовую раздачу денег, еды и одежды без создания постоянной организационной структуры. Такая форма присутствует у всех народов и государств, во всех мировых религиях. Однако в преломлении на еврейскую благотворительность можно отметить, что у евреев институт милостыни практически не прижился. Вследствие этого существовала иная форма открытой благотворительности, такая как временная благотворительность, когда структура создавалась для выполнения определенной задачи, а затем ликвидировалась. К временной благотворительности относилась праздничная и сезонная. Оба вида временной благотворительности не подразумевали создания постоянно действующих организационных структур и поэтому не регистрировались.

Закрытая форма еврейской благотворительности являлась для еврейского населения самой распространенной, поскольку позволяла более действенным способом бороться с различными проблемами, неизбежно возникающими в любой человеческой общности ввиду структурной цельности, устойчивого состава участников, наличия перспективных целей организаций этой формы. Одним из главных отличий таких организаций от временных стала относительная продолжительность существования. Их постоянство определялось длительностью функций во времени. Причем после законодательного урегулирования еврейской благотворительности постоянные общества образовывались исходя из двух оснований: с одной стороны, регистрацию прошли общества, которые как явление имели место уже на протяжении многих лет. К ним относились «осколки» благотворительной системы братств, среди которых были весьма разнообразные по видам деятельности общества; с другой стороны, возникали совершенно новые общества, аналогичные по своим функциям обществам братств, однако обязанные своим появлением частной инициативе отдельных граждан.

Несмотря на подобную ситуацию и бросающуюся в глаза пестроту субъектов еврейской благотворительности, можно провести классификацию организаций (обществ, учреждений), которые отражали различные стороны благотворительной деятельности евреев в целом.

Данную классификацию можно представить следующим образом:

I. Закрытые благотворительные общества и учреждения, основанные на 7 видах религиозного понимания благотворительности у евреев.

1. Общества и учреждения системы медицинской благотворительности, в частности общество попечительства о больных «Айзер-Хойлим», Общество вспомоществования бедным роженицам г. Двинска Витебской губернии [6, с. 270–271] и т. д.

2. Общества и учреждения системы присмотровой благотворительности, например Еврейская богадельня г. Могилева (1909); богадельня Давид-Городокского еврейского общества Минской губернии (1910); Слуцкая еврейская богадельня (1909); Общественная еврейская богадельня г. Речицы (1910); Двинская общественная богадельня и больница (1910); Общество призрения бедных престарелых, увечных и немощных евреев г. Велижа Витебской губернии (1910) [6, с. 270–271].

3. Общества смешанного типа (совмещающие в себе разное), например Общество пособия бедным евреям г. Горки Могилевской губернии (1898); Общество пособия бедным евреям в г. Себеже Витебской губернии (1899); еврейское благотворительное общество помощи бедным евреям в г. Белостоке Гродненской губернии «Линас-Гацедек» (1899); Общество пособия бедным евреям г. Пружаны Гродненской губернии (1899); Бобруйское общество пособия бедным евреям (1899) [6, с. 270–271].

4. Ссудные кассы, такие как Общество по оказанию помощи беднейшим евреям г. Пинска под залог движимого имущества беспроцентных ссуд (1908); Общество выдачи беспроцентных ссуд евреям г. Речицы (1915); Общество для выдачи беспроцентных ссуд г. Слуцка (1912); Общество Ново-Московской улицы для выдачи беспроцентных ссуд евреям пятой части Минска (1912) [6, с. 270–271].

5. Общества, организовавшие странноприимные дома, в частности Минский ночлежный дом, Брест-Литовский ночлежный дом [6, с. 270–271].

6. Общества снабжения одеждой и обувью, например Товарищество по сбору одежды для бедных купчихи Ц. Лозинской г. Бобруйска Минской губернии [7, с. 152].

7. Общества снабжения пищей, например Виленское общество дешевой столовой для бедных евреев (1898), Виленская специальная дешевая субботняя кухня, Минская дешевая столовая при главной синагоге, минские дешевая чайная и бесплатная кухня для бедняков, дешевая столовая и Общество

снабжения кошерной пищей солдат г. Бобруйска Минской губернии, дешевая столовая для бедных г. Могилева [6, табл. 60–62].

8. Общества по доставлению приданого бедным девушкам, в частности Общество по приготовлению приданого бедным еврейским девушкам местечка Кадутишки Виленской губернии [6, с. 270–271], Общество по подготовлению бедных еврейских девушек к правильному домоводству (1904) г. Минска [6, с. 270–271].

9. Погребальные общества, например: Общество похоронных процессий и пособия осиротевшим семьям умерших бедных евреев г. Борисова (1914); Бобруйское общество похоронных процессий и пособий осиротевшим семьям умерших бедных евреев (1910); Ошмянское и Полоцкое погребальные общества [6, с. 272].

II. Закрытые благотворительные общества и учреждения иных видов.

1. Общества просветительной благотворительности и общества помощи бедным учителям и ученикам, такие как Общество вспомоществования еврейским учителям и меламедам в г. Пинске (1914); Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Минского коммерческого училища (1904–1906) [6, с. 270–271]; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся частных мужской и женской торговых школ И. Я. Ошина в г. Двинске Витебской губернии (1908) [8, с. 23] и Общество вспомоществования нуждающимся ученицам частного еврейского профессионального училища, содержимого Б. М. Гинцбург в г. Двинске Витебской губернии (1913) [9, с. 19].

2. Общества по трудоустройству, в частности Витебское общество трудовой помощи евреям (1913) [10, с. 31].

На основании рассмотренных источников можно отметить, что социальное явление «благотворительность» в целом составляет часть культуры любого народа и несет отпечаток исторического опыта, который накопила та или иная человеческая общность. Еврейская благотворительность особенно показательна в этом отношении. Ее отличительной чертой является четкая систематизированность и определенность в направленности благотворительного действия.

Благотворительность у евреев – это упорядоченная система мер, позволявшая им выжить. В перечень семи религиозных (основных) видов еврейской благотворительности включены основные положения, которые при соответствующей поддержке обеспечивали относительную стабильность общины. Ее основой были взаимопомощь и поддержка, оказываемые друг другу членами общины. Отсюда понятно такое тяготение к закрытым благотворительным учреждениям у евреев, когда благотворительность была внутри общины и обращалась только на своих членов или соплеменников, терпящих нужду, и выполняла функцию стабилизатора численности и благосостояния всех членов общины, существуя только как проявление воли большинства, а не одного человека по отношению к другому.

Еврейская благотворительность глубоко рационалистична по сути, и необходимость сохранения жизни и достоинства человека первоначально исходила именно из стремления выжить. Перемены произошли гораздо позже, когда появилась система устойчивых экономических предпосылок, позволивших отдельно взятому лицу самостоятельно решать проблему вложения материальных ценностей в ту или иную сферу, исходя уже из побуждений собственного «я», а не из принципа «обязан» и «должен».

Тора и Талмуд, как источники духовно-нравственного начала еврейской благотворительности, рассматривают ее как общинную деятельность, направленную на узкий круг людей. Однако иудаизм наметил генеральные (стратегические) направления благотворительности как акта и как действия, указав, на какие проблемы в первую очередь необходимо обращать внимание желавшим заняться благотворительностью (голод, отсутствие одежды, болезнь и т. д.), которые реализовывались впоследствии в рамках еврейских благотворительных обществ.

В ходе развития форм еврейских благотворительных обществ на территории белорусских губерний в рассматриваемый период времени выкристаллизовался ряд направлений, как например: призрение, организация похорон, ссудные кассы, которые не могли ограничиваться простой подачей милостыни, что послужило основанием к развитию у евреев закрытой формы благотворительности и связи ряда благотворительных учреждений с государственными социальными программами Российской империи.

Ценность священных книг, как источника изучения еврейской благотворительности, состоит в понимании смысла ее акцентирования на конкретные виды помощи, которые брали свое начало в объективных условиях жизни еврейской общины с древних времен.

Смысл исследования законодательной базы, как источника изучения еврейской благотворительности, заключается в несколько иных аспектах. Это – своеобразный механизм выкристаллизации общинной благотворительности из ее размытых и застывших организационных форм, т. е. превращение ее из образа жизни в правовое явление. Закон, регламентируя формы реализации благотворительного акта, оторвал еврейскую благотворительность от ее естественной среды взаимопомощи и обязательного участия в ней. Благотворительность перестала быть общим делом, она индивидуализировалась благодаря закону. Став объектом права посредством своих организационных форм, благотворительность начала зависеть уже во многом от личных качеств ее участников. Российское же законодательство является, к сожалению, не лучшим образцом такого преобразования, хотя, безусловно, необходимо учитывать и специфику именно еврейской благотворительности. Ее затянувшееся правовое оформление

и многообразие форм, отражавшие тесную связь с иудаизмом и общиной, стали причиной юридических ошибок в оценке самого понятия «благотворительность» и иных способов оказания помощи.

Касаясь вопроса архивных и статистических источников еврейской благотворительности, следует отметить, что их изучение невозможно без тщательного исследования ее религиозной и законодательной базы. Первая объясняет, почему именно тот или иной аспект выбран в качестве цели общества, вторая позволяет идентифицировать форму благотворительности как правового явления.

Архивные источники имеют характер констатации того или иного довода, возникшего в процессе изучения первых двух источников, и могут подтвердить или опровергнуть выдвинутое предположение. В них зафиксированы детали и нюансы механизма реализации общественного явления через ту или иную правовую конструкцию.

Материалы архивов Республики Беларусь, содержащие сведения о деятельности еврейских благотворительных обществ, позволяют определить их особенности по сравнению с другими регионами Российской империи в XIX – начале XX в. и свидетельствуют о широком распространении еврейских благотворительных обществ на территории белорусских губерний.

В целом необходимо отметить, что еврейская благотворительность, как духовно-нравственное явление, представляет собой наиболее универсальный и продуманный комплекс видов помощи, обеспечивающих возможность человеку выжить и оставаться личностью. Как правовое явление, еврейская благотворительность была реализована в деятельности не только благотворительных обществ, но и совершенно неблаготворительных объединений, доказав всем ходом исторических событий, как, например, в годы Первой мировой войны, удивительную мобильность, приспособляемость, широту распространения и привлечение значительного числа людей к благотворительности, итогом чего стали тысячи спасенных физически и духовно. Самым важным является то, что еврейская благотворительность на территории Беларуси в начале XX в. начинает утрачивать свои национальные признаки и становится благотворительностью, основанной на началах гуманизма, где приоритетен человек, а его потребность в помощи является руководством к действию для благотворителя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Полный свод законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1880. Т. 6, № 8054. П. 76.
2. Свод узаконений о евреях с 1825 по 1885 г. / под ред. Е. Б. Левина. СПб., 1885.
3. Трудовая помощь. СПб., 1902. № 1.
4. ПСЗ РИ. Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1880. Т. 6, № 24299. П. 1.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2649. Оп. 1. Д. 222.
6. Материалы об экономическом положении евреев в России. СПб., 1904. Т. 2. Табл. 60 – 62.
7. Памяць. Бабруйск. Мінск, 1995.
8. НИАБ. Ф. 2649. Оп. 1. Д. 162.
9. НИАБ. Ф. 2649. Оп. 1. Д. 365.
10. НИАБ. Ф. 2649. Оп. 1. Д. 490.

Поступила в редакцию 28.01.2015.

Юлия Валерьевна Функ – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета БГУ.

УДК 94(476)«1861-1914»

С. М. ТОКЦЬ

ДЗЕЙНАСЦЬ ВАЛАСНЫХ СУДОЎ У БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯХ У ПАСЛЯРЭФОРМЕННЫ ПЕРЫЯД (1861–1914): САЦЫЯЛЬНА-КУЛЬТУРНЫЯ АСПЕКТЫ

Рассматриваются социокультурные аспекты деятельности крестьянских волостных судов на белорусских землях в пореформенный период. Определена степень влияния традиционной культуры и менталитета крестьян на деятельность волостных судов. Главными источниками для проведения исследования послужили архивные материалы и опубликованные статистические данные. В результате проведенного анализа установлено, что главным недостатком в деятельности волостных судов была их зависимость от исполнительной власти, а на судебные решения оказывали большое влияние волостные старшины и писари. Показано, что большинство волостных судей были неграмотными и соглашались занять эту должность только под принуждением. Источники также свидетельствуют, что представители государственной администрации критически оценивали деятельность волостных судов и предлагали усилить бюрократический контроль над ними. Однако анализ статистических данных показал, что количество судебных разбирательств в волостных судах постоянно возрастало. Это значит, что волостные суды в целом справлялись со своими функциями. Они были нужны крестьянам и помогали деревне разрешать сложные имущественные споры в непростой период перехода от традиции к модерности.

Ключевые слова: волостной суд; крестьянское самоуправление; коррупция; бюрократический контроль.

The article deals with the socio-cultural aspects of township courts in Belarus in the post-reform period. The aim of the study was to determine the degree of influence of traditional culture and mentality of the peasants to solve township courts. The main sources of the study were archival materials, as well as the published statistics. The analysis showed that the major drawback in the activities of township courts was their dependence on the executive. Judicial decisions are influenced by peasant bosses and secretaries. The study